

УДК 1:3; 001.8:3

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-70-80

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

highbook@yandex.ru

ОТ ПРОБЛЕМНОГО К РИСКО-ПРОГНОЗНОМУ АНАЛИЗУ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Исследуется трансформация понятийно-концептуального аппарата современных социальных наук, характеризующаяся сдвигом от социально-проблемного к риско-прогнозному анализу социальных трансформаций. Показано, что данные концептуальные, теоретические изменения обусловлены внутренней логикой развития науки, постепенно перешедшей в анализе социальных явлений от изучения неблагоприятных эффектов социальных изменений и симптомов социальных отклонений к причинам, порождающим социально-проблемные ситуации.

Ключевые слова: социальные проблемы и отклонения, институциональные факторы, социокультурные детерминанты, социальные риски, неопределенность, прогноз.

Масштабные трансформации современной эпохи, затрагивающие как глобальный, так и локальные уровни социальной реальности, требуют для своего адекватного осмысления и описания соответствующего изменения методологии и даже языка научного анализа (концептуально-методологических рамок исследований, их «фреймов»). Одним из слабо отрефлектированных аспектов современной трансформации социальных наук, адекватной новым практическим запросам, выступает изменение понятийного научного аппарата, в частности, характеризующееся сдвигом фокуса анализа от социальных проблем и отклонений (девиаций) к концептам неопределенности и риска. Складывается такая ситуация, что в последние десятилетия практически не появляются новые исследования, в названиях которых фигурируют понятия проблем и девиации, и это позволяет не-

которым современным аналитикам-методологам говорить об упадке или даже смерти соответствующей исследовательской специализации [Sumner, 1994]. И если социальные проблемы и социальные отклонения подробно рассматриваются преимущественно в справочной и учебной литературе, то концепция рисков является одним из главных направлений социально-теоретических исследований, а факторы риска и неопределенности выступают неотъемлемым атрибутом значительной части современных аналитических исследовательских моделей.

Как представляется, сдвиг социальных наук от социально-проблемного к риско-прогнозному анализу определяется не только возросшими запросами к практической ценности исследований (если выявление проблем носит скорее констатирующий характер и, как правило, фиксирует негативные эффекты уже реализованных мероприятий, то анализ рисков имеет прогнозный характер и направлен на предотвращение возможных негативных последствий). Как будет показано далее, данный методологически-концептуальный поворот предопределен эволюцией в социологическом понимании социальных проблем – т. е. поворот социального теоретизирования от проблем к рискам в значительной степени обусловлен внутренней логикой развития научного знания.

Первоначально понимание проблем в социологии и социальной психологии задается медицинской моделью, утверждающей существование «универсальных критериев нормальности» и, соответственно, стандартов поведения. В узких рамках такого подхода социальные проблемы связаны с «отклоняющимся» поведением индивидов или определенных социальных групп, нарушающих нормы, вследствие «умственной ограниченности, психического расстройства, недостатка образования или неполной социализации» [Eitzen, Vasa-Zinn, 1986. P. 6–7]. Иными словами, такой подход связывал социальные проблемы с недостатками отдельных субъектов, с их патологиями, которые рассматриваются как источник неприятностей. Подобное понимание близко к обыденному восприятию, наделяющему социальный порядок «аурой непогрешимости», освященной традициями и обычаями, с позицией «большинства», полагающего себя законопослушным и действующим «правильно», в отличие от девиантов, которые вследствие необычных биографических обстоятельств (несчастных случаев, болезней, личных недостатков, недостатков характера или «плохого» воспитания), собственно, и являются проблемой.

Подход, основанный на признании личной ответственности «проблемных» индивидов и социальных групп за их исключение из нормальной социальной жизни, воспринимается впоследствии социал-дарвинизмом, пытающимся применить эволюционно-адаптационную схему Чарльза Дарвина к социальному миру. Суть социально-дарвинистской точки зрения заключается в том, что расы, культуры или социальные группы, занимающие высшие позиции в социальной иерархии, заслуживают этого, поскольку они в наибольшей степени отвечают на вызовы среды. Герберт Спенсер, один из видных представителей социал-дарвинизма, фактически воспроизводил бытовые стереотипы («бедные ленивы, поэтому и бедны»), когда утверждал, что «бедные бедны, потому что они не адаптированы», а «нищета – это способ природы устранять... нездоровых, слабоумных, медлительных, колеблющихся членов общества, чтобы освободить место для успешно адаптирующихся» [Eitzen, Baca-Zinn, 1986. P. 170]. Социальные дарвинисты выступали противниками программ социальной поддержки, поскольку они увековечивают существование «непригодной» группы, которая, вероятно, исчезнет в случае сокращения помощи им от общества (а вместе с ними – и тех проблем, которые она олицетворяют).

Современные социологи, критикующие редукцию социальных проблем к личной или групповой ответственности «отклоняющихся» субъектов, указывают на вполне очевидные недостатки такого подхода, концентрирующегося на симптомах социальных проблем, а не на самих проблемах, и упускающего из внимания институты и условия, генерирующие отклонения, т. е. фактически освобождающего экономические и властные организации, систему образования (как и другие системные учреждения) от всякой ответственности.

Неадекватность «личностного подхода» к объяснению социальных проблем современного общества имеет не только теоретическое значение, она ярко проявляется в дисфункциях и практических неудачах традиционных политик и программ, направленных на борьбу с общественными пороками и ориентированных на контроль над девиантными субъектами, их перевоспитание, реабилитацию или психотерапию. Наиболее яркими (и наиболее активно критикуемыми специалистами) образцами здесь выступают традиционная антинаркотическая политика (ужесточение которой вызывает лишь усложнение соответствующих проблем) и общепризнанный провал традиционной пенитенциарной системы (порождающей такое явление, как рецидивизм преступности, показатели которого повсеместно крайне высоки).

Таким образом, и теоретический анализ, и социальная практика показывают оправданность и логичность современного поворота в понимании социальных проблем, который характеризуется сдвигом фокуса исследований на институционально-системный уровень, генерирующий условия для воспроизводства социальных отклонений и деприваций. Ключевым условием системного переосмысления социальных проблем, анализ которых теперь обязательно включает в себя условия, генерирующие психологические и материальные депривации для определенной категории индивидов, является социологическое воображение, позволяющее «связать воедино индивидуальные переживания, опыт и более масштабное видение общества, а также осознать, что индивидуальные обстоятельства неразрывно связаны со структурным устройством социума» [Kendall, 1998. P. 7]. Если обычно люди не могут осознать взаимосвязь своего биографического опыта и хода мировой истории, проблем своей повседневной жизни и институциональных противоречий, то воображение социолога стимулируется стремлением рассматривать социальный мир с точки зрения «других», что позволяет переходить от мыслей об индивиде и его проблемах к сосредоточению на социальных, экономических и исторических обстоятельствах, которые порождают проблемы.

Социологическое воображение позволяет выработать социально-системную трактовку предмета проблемно-ориентированных исследований, которые теперь понимаются как совокупность контекстуальных факторов более общего порядка, чем сфера опыта и ответственности отдельных индивидов и групп, которые генерируют социальные депривации и отклонения.

Современная социология рисков сформировалась в рамках критической рефлексии над идеями У. Бека (понимавшего риск как рациональную стратегию преобразования неопределенности в определенность) и представлена социокультурным, конструктивистским, неоинституциональным, управленческим подходами. Объединяет их то, что риски трактуются как продукты социальных взаимодействий, которые глубоко погружены в социальные структуры, зависимы от внешнего контекста, а степень уязвимости различных социальных групп определяется их местом в социальной иерархии общества. Современная социология риска испытывает значительное влияние социального конструктивизма. Так, представители социокультурного подхода, развивая концепцию «культуры риска», настаивают на том, что «представления и, поэтому, способы индивидуального обращения с рисками в повседневной жизни, неизбежно

опосредованы через членство в культурах и субкультурах, так же как через личный опыт. Знания о риске, поэтому, являются историческими и локальными. То, что мы могли бы воспринимать, как 'рисковое' в одну эпоху в определенной локальности, больше не может так же рассматриваться в более поздний период или в другом месте». Подытоживая, следует признать, что «знания о риске неизменно контекстны и оспоримы – в отношении их характера, контроля над ними и относительно виновников их возникновения» [Lash, 2000. P. 47]. Субъекты риска находятся под сильным влиянием своего культурного контекста и вырабатывают свое собственное знание о рисках, обращаясь к различным конкурирующим, а иногда и противоречащим друг другу системам знаний, которые доступны им в различных жизненных ситуациях. Люди создают это «частное» знание на основании своего жизненного опыта и во взаимодействии с контекстами, другими людьми, под влиянием СМИ, экспертного и научного знания, при этом экспертное знание – только один ориентир среди других. Вдобавок, эти процессы включены в производство собственных идентичностей, которые, в свою очередь, эмоционально и эстетически включены в повседневную жизнь человека. Кроме того, формирование идентичности имеет большое влияние на способы, которыми люди чувствуют и рискуют. Таким образом, такое рискованное поведение, как курение, может быть понято в контексте идентичности и членстве в социальных группах. Социально-структурные факторы социального класса, пола, этнической принадлежности, рассматриваемые как источник ресурсов и власти (или же как причина их нехватки), как предполагается, влияют на восприятие риска и поведение, предопределяя различные результаты в различных контекстах. Поскольку риски многомерны, то и рискованное поведение может быть в чем-то оценено положительно, а в чем-то отрицательно [Tulloch, Lupton, 2003].

Наиболее общее понятие социального риска отражает меру опасности ситуаций, в которых имеются потенциальные факторы, способные неблагоприятно воздействовать на человека, общество и природу, но каждая форма социальной жизни в определенный период времени имеет собственный «портфель», или набор рисков, однако их состояние в первую очередь зависит от паттернов развития региональных / локальных социальных систем. Социальные риски не являются следствием причин, обусловленных природными или технологическими процессами, а также индивидуальными биологическими и поведенческими особенностями отдельных индивидов, они порождаются обществом в процессе его функционирования и представ-

ляют собой комплексный результат различных действий множества социальных субъектов и затрагивают функционирование всего общества или отдельных его институтов.

Эмпирические исследования социальных рисков сконцентрированы на анализе взаимосвязей между бедностью, риском и развитием, технологическими инновациями. Отмечается, что общие категории риска относятся ко всем обществам, однако набор и острота рисков различаются в зависимости от уровня развития общества или места социальной группы, индивидов в глобальной социально-властной иерархии. Хотя риски и становятся универсальными, социально-структурная дифференциация предопределяет, впрочем, как и всегда, «притяжение» рисков и социальных лишений к полюсу бедности: «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков» [Бек, 2000]. «Риски концентрируются в бедных государствах, богатство же может купить себе большую безопасность. Более того, богатые государства выигрывают от рисков, которые они же и порождают, например, создавая и продавая технологии, способствующие предотвращению рисков или преодолению их неблагоприятных последствий» [Нысанбаев, Дунаев, 2013. С. 39].

Факторы риска, связанные с изоляцией большинства бедных сообществ в отсталых странах, простираются от экологических опасностей до институциональных условий (обуславливающих широкие масштабы занятости в незащищенном неформальном секторе и неустойчивость локальных / региональных экономик, коррумпированность, некомпетентность управленческих систем) и сугубо экономических факторов (ограниченная интеграция рынков). Социальные риски образуются взаимодействием четырех измерений: демография, рынок труда, система благосостояния, социальные взаимосвязи. При этом поскольку отсталые экономики развивающихся стран более подвержены рискам, то и бедное население этих государств имеет меньше возможностей для адаптации.

Критическое направление, восходящее к социально-политическим взглядам Мишеля Фуко и сосредоточенное на системно-властных аспектах формирования концепта риска (подход *governmentality*), оспаривает восходящее к У. Беку представление о рисках за его узость, поскольку оно упускает значение неопределенности как «характерной модальности либерального управления», с уважением относящегося к «позитивной и инициативной сторонам рисков». На социальном уровне некоторые авторы, придерживающиеся данного политико-критического подхода, интерпретируют риск как новый метанарратив, связанный с (нео)либеральными проектами управле-

ния. Осознание риска как стержневого компонента новой социальной онтологии и внимание к риску представляются как базовые функции изменений в социальной политике, сдвига от коммунитарных ценностей к предпочтению индивидуального выбора и основанного на нем действия. Новый акцент отражает социальные и культурные изменения, которые отдают приоритет конструированию самоидентичности и образу жизни, отрицающему коллективистский идеал государства всеобщего благоденствия. Соответствующие исследования в различных сферах (главным образом, уголовная политика, социальное обеспечение и политика в области здравоохранения) демонстрируют, как изменение институциональной политики и публичного дискурса таким образом трансформирует социальные проблемы и риски, что состояние опасности предстает как что-то нуждающееся в индивидуальных ответах [Kelly, 2001].

Критическое направление в современных социальных науках, акцентирующее внимание на социально-властных противоречиях в социуме, подчеркивает роль различного рода неравенств в создании и воспроизводстве уязвимостей и опасностей для «групп риска», как «результата взаимодействия между рисками и властью», а также диспропорциональную уязвимость к рискам различных социальных групп, основывающуюся преимущественно на социально-структурном неравенстве.

Например, ураган «Катрина» в США в 2005 г. привел к непропорциональному разрушению имущества и гибели представителей различных групп населения, учитывая их классовую, этническую, гендерную дифференциацию. Последствия этой природной катастрофы (казалось бы, чрезвычайного события, независимого от воли людей) иллюстрируют «гневное воплощение» социальной обусловленности уязвимостей к рискам, «поскольку катастрофы не поднимаются из вакуума, но постепенно и повседневно формируются политическими, социальными и экономическими силами, контролирующими общественную сферу» [Freudenburg et al., 2007]. Этот пример показывает, что имеющие социальный характер риски могут проявляться как чрезвычайные события, на первый взгляд не имеющие никакой связи с пороками социально-властной системы, а также демонстрируют дисфункции учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков и их опасных последствий, их неадекватность возлагаемым на них задачам, – глубинно связанную с институциональным, властным устройством общества, а также тем, что их организация и принципы функционирования более соответствуют сложившемуся институциональному дизайну, чем принципам и потребностям ри-

ско-кризисного управления, принципиально отличающегося от любого «нормального».

Можно отметить, что некоторые катастрофические события, произошедшие в нашей стране в 2018 г., подтверждают обоснованность социально-критического дискурса в исследованиях риска – причем оба основных тезиса критического направления (как о диспропорциональной уязвимости к рискам различных социальных групп, основывающейся на социально-структурном неравенстве, так и о неадекватности действий в чрезвычайных ситуациях учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков, что обусловлено факторами несовершенства организационных структур, более приспособленных к сложившемуся институциональному дизайну системы, чем к вызовам, с которыми они сталкиваются в силу специфики своей деятельности). Так, во время пожара в ТРЦ «Зимняя вишня» в г. Кемерово наибольшее число жертв оказалось среди воспитанников сельских школ – хотя в сельской местности проживает около 20 % населения области. Чтобы понять, что гибель именно сельских детей в торгово-развлекательном центре, построенном и функционирующем с нарушениями правил безопасности (позволяющими снижать себестоимость товаров и услуг, реализуемых в нем), не является абсолютной случайностью – следует иметь в виду, что в основном жители сельской местности сталкиваются с проблемами и рисками, обусловленными двойной сегрегацией: как по отраслевому признаку (самая низкая заработная плата в стране у работников сельского хозяйства), так и по территориальному признаку (жизнь российской деревни традиционно характеризуется низким уровнем развития социальной инфраструктуры и досуговой сферы, а в современной ситуации неравенство жизненных возможностей между жителями города и села только усилилось). Иными словами, диспропорциональное число жертв среди представителей одной из наиболее депривированных социально-территориальных групп населения (к тому же еще и с ограниченными в силу возраста дееспособностью и возможностями) при пользовании услугами предприятия, умышленно снижающего требования к безопасности клиентов в погоне за снижением себестоимости своих услуг (и максимальным охватом клиентов), представляется скорее результатом статистического распределения, чем просто случайностью.

Кризис, развернувшийся весной этого года в Подмоскowie, связанный с проблемой утилизации мусора, производимого жителями Москвы (наиболее крупного и обеспеченного мегаполиса страны), дает другой пример (при этом более очевидный) диспропорционального

распределения социальных проблем и рисков среди различных социально-территориальных групп населения, их социально-структурного неравенства и дисфункций институтов по управлению рисками. С одной стороны, ситуация характеризуется явным неравенством распределения экологических рисков, вызванных жизнедеятельностью «большого города» и переносимых на жителей депрессивной провинции, а с другой – ситуация свидетельствует о системном характере данного кризиса (укорененного в сложившейся системе взаимодействия бизнеса и власти) и неспособности соответствующих институтов и организаций оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации подобного рода, угрожающие жизни и здоровью широких масс населения, в результате чего кризис приобрел затяжной характер и распространился на соседние регионы.

Итак, проведенный анализ показывает, на наш взгляд, не только взаимозаменяемость терминологии риско- и проблемно-ориентированных исследований, при условии достаточного глубокого и системного анализа явлений, но и, возможно, неудовлетворительность, неадекватность терминологии тем явлениям, которые исследователи ранее пытались осмыслить как «проблемы», а потом как «риски». Сама взаимопроницаемость концептуальных построений, внешне развивающихся из совершенно различных парадигм, может трактоваться как свидетельство их неудовлетворительности для научно-исследовательской рефлексии (в том числе и используемой терминологии), принципиальной неточности и неспособности комплексного отражения изучаемых явлений и процессов. Если наблюдения, сделанные в данной работе, верны, то можно предположить, что в недалеком будущем понятийный аппарат социальных наук ожидает пополнение новыми концептуальными конструктами для описания и понимания феноменов, первоначально исследуемых как «проблемы», а позже, в наши дни, – как «риски».

Список литературы

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Нысанбаев А. Н., Дунаев В. Ю. Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане // GISAP. Sociological, political and military sciences. 2013. № 1. С. 36–42.

Eitzen D. S., Baca-Zinn M. Social Problems. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1986.

Freudenburg W. R., Gramling S. L., Erikson K. T. Katrina: Unlearned Lessons // World Watch. 2007. No. 20 (5). P. 14–19.

Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society // Discourse: studies in the cultural politics of education. 2001. No. 22 (1). P. 23–33.

Kendall D. Social Problems in a Diverse Society. Boston: Allyn and Bacon, 1998.

Lash S. Risk Culture // The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory. London: Thousand Oaks, 2000. P. 47–62.

Sumner C. The Sociology of Deviance: An Obituary. New York: Continuum, 1994.

Tulloch J., Lupton D. Risk and everyday life. London: Sage Publications, 2003.

Материал поступил в редколлегию 09.07.2018

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

highbook@yandex.ru

FROM «PROBLEMS» TO «RISKS»: EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIAL SCIENCES

The paper studies the transformation of the conceptual apparatus of contemporary social sciences, characterized by a shift from a socially-problematic to a risk-predictive analysis of social transformations. It is shown that these conceptual and theoretical changes are conditioned by the internal logic of the development of sociology, which has gradually passed over in the analysis of social phenomena from the study of the adverse effects of social changes and the symptoms of social deviations to the causes of socially problematic situations.

Keywords: social problems and deviations, institutional factors, sociocultural determinants, social risks, uncertainty, prediction.

References

- Bek U. *Obschestvo riska: Na puti k drugomu modern* / Trans. from English. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. (In Russ.)
- Eitzen D. S., Baca-Zinn M. *Social Problems*. 3rd ed. Boston, Allyn and Bacon, 1986.
- Freudenburg W. R., Gramling S. L., Erikson, K. T. Katrina: Unlearned Lessons. *World Watch*, 2007, no. 20 (5), p. 14–19.
- Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society. *Discourse: studies in the cultural politics of education*, 2001, no. 22 (1), p. 23–33.
- Kendall D. *Social Problems in a Diverse Society*. Boston, Allyn and Bacon, 1998.
- Lash S. Risk Culture. *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory*. London, Thousand Oaks, 2000, p. 47–62.
- Nysanbaev A. N., Dunaev V. Yu. Ob innovatsionnykh tekhnologiyakh sotsial'no-politicheskogo risk-menedzhmenta v Kazakhstane [On innovative technologies of socio-political risk management in Kazakhstan]. *GIS-AP. Sociological, political and military sciences*, 2013, no. 1, p. 36–42. (In Russ.)
- Sumner C. *The Sociology of Deviance: An Obituary*. New York, Continuum, 1994.
- Tulloch J., Lupton D. *Risk and everyday life*. London, Sage Publications, 2003.